

aesthetic features of their poetry. Descriptive analysis, comparative method, linguopoetic examination, and semantic modeling were employed to investigate the stylistic and semantic transformation of linguistic units within the poetic text.

The findings demonstrate that Shakarim not only preserved but creatively expanded Abai's linguistic tradition. He reinterpreted folk imagery, enriched established expressions with new semantic nuances, and employed alliteration, assonance, anaphora, and epiphora with strong stylistic intent. Shakarim also broadened the expressive capacity of the poetic language through innovative metaphoric constructions, syncretic word combinations, and the personification of abstract concepts. His poetic language reflects a deep connection between aesthetic expression and moral-philosophical worldview, forming a distinctive idiom.

This study clarifies the continuity and innovation within Kazakh poetic tradition, identifies the aesthetic significance of Abai's school, and contributes to the theoretical development of linguopoetic analysis. The results offer valuable insights for further research on poetic semantics, linguistic personality, and the evolution of literary style.

Key words: Abai's poetic tradition, Shakarim's poetry, poetic language, linguopoetic analysis, linguistic personality, tradition and innovation.

Авторлар туралы мәліметтер

Бибеков Қаныш Тлеужанұлы^{*} – филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан Республикасы, e-mail: kanysh.bibekov@gmail.com, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-2850-9637>.

Оразгалиева Лаура Муратбековна – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Astana IT University, Қазақстан Республикасы, e-mail: lauraorazgalyeva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0001-7795-1339>.

Information about authors

Kanysh Bibekov^{*} – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, e-mail: kanysh.bibekov@gmail.com, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-2850-9637>

Laura Orazgaliyeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General Education disciplines, Astana IT University, Republic of Kazakhstan, e-mail: lauraorazgalyeva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0001-7795-1339>.

Сведения об авторах

Бибеков Қаныш Тлеужанұлы – кандидат филологических наук, доцент, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, e-mail: kanysh.bibekov@gmail.com, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-2850-9637>.

Оразгалиева Лаура Муратбековна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Astana IT University, Қазақстан Республикасы, e-mail: lauraorazgalyeva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0001-7795-1339>.

Редакцияға енүi 26.11.2025

Жариялауға қабылданды 22.12.2025

МРТИ: 16.21.47

Х.Ш. Илиуғ^{*}, Т.Д. Исабаева

Шәкәрім университет,

071412, Республика Казахстан, г. Семей, ул. Глинки, 20А

^{*}Orcid: 0009-0007-0038-2386

^{*}e-mail: murat_20@mail.ru

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОНЯТИЕ ‘СЕМЬЯ’ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования слов с ядерной семой ‘семья’ в казахском языке. Отмечается, что слова *tütün*, *şańıraq* и *tündik* (*tündük*) в результате смыслового развития стали синонимами в своих вторичных значениях, определяя семью как субъект хозяйственной деятельности. Кроме того, в казахском языке встречалось изафетное словосочетание *tündik bası*, которое по

грамматической структуре и композиционной семантике аналогично выражению *от basi*. Обращается внимание на то, что понятие «семья» как элементарный социально-экономический комплекс в казахском языке выражалось такими парными словами, как *mal-jan*, *йұ-jay*, а отделение женатых сыновей от отцовского очага и создание новых семей обозначалось словами *йұ bol-*, *йұ köter-*. Подчеркивается, что развитие новых лексических значений происходило в результате последовательных метонимических переносов названий, связанных со смежными явлениями или предметами (зажженный очаг – группа жильцов).

Потребность в слове, имеющем строго определенное значение 'совокупность близких родственников, проживающих вместе', вызвала появление в языке нового лексического образования *jan iua*, которое является метафорическим и встречается в художественном стиле речи, допускающем использование поэтических образов.

В результате изменения социально-экономических условий возникла необходимость в слове, обозначающем семью как новую социальную формацию и имеющем содержание 'группа живущих вместе родственников' (муж и жена, родители и дети), отвечающее юридическим отношениям и свободное от дополнительных смысловых нюансов. Авторы полагают целесообразным введение в лингвосоциальную практику использование слова *äýile*, наличие которого соответствует культурно-исторической традиции пополнения лексического фонда заимствованиями из арабского языка и будет способствовать сохранению близости литературных языков тюркских народов.

Ключевые слова: семья, термин, арабизмы, фарсизмы, полисемия, метонимия, калька.

Введение

Известно, что различные предметы и явления порождают определенные представления и понятия о них. Потребность оперирования этими понятиями вызывает необходимость их обозначения в языке, как важнейшем средстве человеческого общения. Одним из путей обогащения словарного фонда предстает полисемия, в результате которой отдельные слова, отражающие наши представления о каких-либо проявлениях объективной реальности, становятся многозначными, называя новые предметы, явления и понятия на метафорической, метонимической или функциональной основе. Однако во многих случаях полисемия слов и наличие синонимов, отличающихся смысловыми и стилистическими оттенками, приходят в противоречие с требованиями строгой определенности понятий, особенно в разных отраслях науки, в юриспруденции, в сферах экономической и производственно-технической деятельности. Как известно, этим требованиям отвечает особая категория слов – термины, которые направлены на обозначение специальных понятий в разных областях знаний [1].

Целью исследования является анализ особенностей слов и словосочетаний, ядерной семой которых является значение 'семья', понимаемое в прежние времена чаще всего как единица хозяйствования.

Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку семья представляет собой фундаментальную социальную структуру, которая играет ключевую роль в жизни человека и общества. В данной статье рассматриваются такие обозначения понятия 'семья' в казахском языке, как *tütün*, *şaiñigaq*, *tündik* (*tündük*), *qazan* и др.

Материалы и методы

Материалами для исследований послужили сведения, содержащиеся в историко-этнографических трудах и данные ряда двуязычных и толковых словарей. В ходе исследования затронутой проблемы были использованы следующие методы: лексико-семантического анализа, сравнительный, описательный и этимологический.

Обзор литературы

Перманентным характером развития науки объясняется сохранение актуальности проблем, связанных с терминологией, которая пребывает в непрерывном процессе развития в связи с появлением новых научных дисциплин, теорий и понятий. К изучению вопросов терминоведения обращались известные лингвисты Фердинанд де Соссюр [2], Д. Лотте [3], Э. Бенвенист [4], О. Вюстер, Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, В.А. Звегинцев и др.

Обретение Казахстаном суверенитета позволило реализовать меры по укреплению социального статуса казахского языка, повышению его престижа, расширению сфер применения и увеличению числа лиц, владеющих им. Казахские языковеды активно стали развивать национальную терминологию, продолжая осуществлявшуюся в этом направлении

деятельность А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Жумабаева, С. Аспендиярова, А. Маргулана, М. Ауэзова и др. Например, в работах К. Жубанова «Термин сөздердің спецификасы», «О терминологии казахского литературного языка, принимаемой государственной терминологической комиссией», «К пересмотру казахской орфографии» излагаются принципы построения алфавита, орфографии и терминологии. Однако многие термины, использовавшиеся в разных отраслях науки, еще не были переведены на казахский язык.

Результаты и обсуждение

Принятие в нашем государстве Закона «О языках в Республике Казахстан» явилось одним из стимулов деятельности по развитию и совершенствованию казахской терминологической лексики, особенно в сфере права и экономики. Здесь можно отметить, что традиционными источниками пополнения фонда специальных слов и составных наименований в казахском языке предстают исконная лексика, слова арабского происхождения и интернациональные термины. Например, устаревшее слово *beren* ‘сталь высокого качества’, встречавшееся в казахском фольклоре в словосочетаниях *aq beren* ‘доспех из металлических пластинок, скрепленных кольцами’, *kök beren* ‘ружье, ствол которого изготовлен из прочной стали’ (*beren miltiq*), в настоящее время перешло в разряд используемой лексики, получив новое терминологическое значение ‘бронежилет’ [5].

Однокоренные арабские слова **كامل** *kāmil* ‘полный, законченный, совершенный’, **كمال** *kamāl* ‘совершенство, законченность, полнота’ и производное от него **كمالية** *kamāliyyat* (с тем же значением) заимствованы казахским языком, соответственно, в виде *kāmil*, *kemel* и *kämelet*. Последняя лексема приобрела со временем специальное значение ‘совершеннолетие, зрелость’ и закрепилась в устойчивом словосочетании *kämelettik attestat* (аттестат зрелости – свидетельство об окончании средней школы); в форме дательного падежа, сочетаясь с глаголами *jetiw* ‘достичь’ и *toliw* ‘исполниться’, переводится как ‘достижение совершенолетия’.

У казахов издавна существует ряд слов и словосочетаний, ядерной семой в которых является значение ‘семья’, понимаемое в прежние времена чаще всего как единица хозяйствования. Продолжительное время понятие *семья* на казахском языке обозначали сложным словом *отбасы*, иногда использовали лексическое новообразование *жсанұя*. Однако позднее Государственной терминологической комиссией было утверждено слово *отбасы*.

Рассмотрим использование древнетюркского слова *tütün*, букв. ‘дым’, в переносном значении. Очевидно, что в условиях кочевого скотоводства коллективные поселения и отдельные хозяйства не были стационарно связаны с конкретными земельными наделами, дворами, усадьбами; поэтому за счетную единицу принималось жилище, в которой проживала группа близких родственников. Центральное место в жилом помещении занимал очаг, на котором разводили огонь для приготовления пищи и обогрева внутреннего пространства дома, кибитки. Поговорка *Нет дыма без огня* объясняет, почему дым как явление стал визуальным сигналом обитаемого жилья, а у слова *tütün* появилось новое значение. Некоторыми земледельческими народами оно могло быть переведено на их языки и усвоено вместе с системой исчисления подданных и налогового сбора еще со времен Великого переселения народов, господства гуннов в Средней Азии (белые гунны-эфталиты, хиониты и кидариты), в Восточной и Центральной Европе.

Нельзя исключить то, что в период существования в центре средневековой Европы могущественного Аварского каганата либо позже – во время появления на севере Балканского полуострова Болгарского ханства – данники-славяне заимствовали этот социальный термин в виде лексической кальки, т.е. буквально перевели его на свой язык, но с закреплением за ним его нового, переносного значения.

О порядке сбора правителями Хазарского каганата с подвластных восточнославянских племен полян, северов и вятичей дани «от дыма», т.е. от каждого жилья, упоминается в «Повести временных лет» [6]. Вплоть до XIX века единица податного обложения в Польше называлась *дыром*, через понятие *очаг* прямо обозначая дом, крестьянскую усадьбу (семью)

[7]. Добавим, что в Имеретии (историческая область Грузии) со времен средневековья численность населения определялась также словом, имевшем прямое значение ‘дым’. Хроники сообщают о переселении на территорию Восточной Грузии в XII веке 40 000 «дымов», или кибиток половцев-кипчаков. Ч. Валиханов, повествуя о нападении джунгар на кочевья киргиз-калмыков, употребляет слово *дым* в значении ‘семья’ [8].

Персидское *دودمان* *dud[e]man* имеет значения ‘семья, семейство; род, племя’. Производящая основа этой лексемы – существительное *dud* ‘дым’. Слово *tütin*, имеющее в казахском языке прямое значение ‘дым’, на основе метонимии прежде использовалось в переносном смысле ‘семья’. Фразеологизм *tütin tütetiw* можно перевести как буквально ‘зажечь очаг’, букв. ‘задымить’, так и в переносном значении ‘жениться, создать семью, жить самостоятельно’. Выражение *otı janbağan* (*tutanbağan*), букв. ‘тот, у кого не горит (не зажжен) огонь’, характеризует человека, не имеющего своего очага, т.е. дома и семьи [9].

Словосочетанием *tütin salıq* называли государственный сбор, налагаемый на каждое отдельное хозяйство (*ärbir jeke üy bası’na salınatın salıq*). Переносное значение слова *tütin* выражено в казахской рифмованной поговорке *Yeki jartı – bir bütin, / Yerli-qatın – bir tütin* ‘Две половинки – одно целое, / Муж с женой – одна семья’.

Нередко для выражения понятия *семья* употребляется слово *şańıgaq* ‘деревянный круг на верху юрты [используемый как дымоход]’, фразеологизм *qara şańıgaq* обозначает ‘дом отца по отношению к его сыновьям’, другая фразема *şańıgaq köter-* (*qur-*) ‘поднять (воздвигать) шанырак’ передает смысл ‘обзаводиться своей семьей’.

Развитие новых лексических значений произошло через ряд последовательных метонимических переносов, осуществляемых на основе постоянной связи во времени и пространстве двух явлений или предметов, в данном случае *группы жильцов* и *зажженного очага*, почитаемого святым местом жилища (*oşaq*); затем очага, где готовили пищу и огонь которого обогревал помещение в осенние холода и зимнюю стужу, и *очажного дыма* (*tütin*); впоследствии дыма и отверстия-дымохода в своде, ограниченного размерами *круглого навершия юрты* (*şańıgaq*); и, наконец, последнего звена в этой логической цепи – отверстия в куполе и его *войлочного покрытия* (*tündik*).

Слова *tütün*, *şańıgaq* и *tündik* (*tündük*) в результате смыслового развития оказались синонимами в своих вторичных значениях, определяя семью как субъект хозяйственной деятельности. Отметим, что у киргизов один из старых видов налога назывался *tündük-zäket*, т.е. подымный сбор с каждой юрты (взимался с местного населения в пользу кокандских ханов) [10]. Кроме того, в казахском языке встречалось изафетное словосочетание *tündik bası* (*tütin tütetetin är-bir üy*), которое по грамматической структуре и композиционной семантике аналогично выражению *ot bası*, букв. ‘глава, начало огня’ (переносное значение у этой синтагмы – ‘семья’). Фразеологизм *ot bası, oşaq qası*, букв. ‘близ огня, возле очага’, отражает понятие *домашний очаг*, т.е. *семья* [11].

Казахское слово *oşaq* имеет следующие лексические значения: 1. Очаг. 2. Печь.

3. Семья. Русское слово *очаг* было заимствовано из древнетюркского наречия (ср. турецк. *osak*, узбекск. *ıçoq*, казахск. *oşaq*) в прямом и переносном значениях: 1. Устройство для разведения и поддержания огня, печь. 2. Родной дом, семья (*Вернуться к родному очагу*). Второе производное значение лексемы *очаг* ‘место, откуда что-нибудь распространяется’, видимо, появилось уже в русском языке. Следует отметить, что в иранском языке тюркизм *اچاق odjaq* передает следующие значения ‘очаг; печь; плита; камин; горн; семейство; род; династия’.

Иногда в старину для обозначения семьи использовалось слово *qazan*, букв. ‘котел, казан’, что нашло отражение в казахской фраземе *qazanı basqa* ‘самостоятельная семья’ (см. фразу из документа эпохи царизма: «кизлярских нагаевъ 420 котловъ, разделенныхъ на 13 ауловъ»).

Понятие *семья* как элементарный социально-экономический комплекс (люди, хозяйство, земельное владение) в казахском языке выражается такими парными словами, как

mal-jan, букв. ‘скот, имущество + души’, ўу-яу, букв. ‘дом + место, местожительство’. Кроме того, отделение взрослых женатых сыновей от отцовского очага и создание новых семей обозначалось словами ўу bol-, букв. ‘стать домом’, ўу köter- ‘поставить юрту’ в результате чего у лексемы ўу ‘дом’ появилось переносное значение ‘семья’ (ўу bası ‘подомный налог [при царизме]’).

Производный от тюркского слова ev ~ ўу ‘дом’ глагол evlen- ~ ўylen-, букв. ‘обзавестись домом’, приобрел значение ‘основать семью, жениться’, а противопоставленные ему по признаку «активный – пассивный залог» глаголы *evger > ever- ~ evlendir- – значение ‘женить; выдавать замуж’ и ўylenadir- ‘женить’. Слова ev и hane, имеющие прямое значение ‘дом, помещение’, в Турции, где издавна было развито земледелие, в переносном значении используются для обозначения двора, отдельного крестьянского хозяйства и служат единицей счета [12].

Отмеченные изменения в семантике характерны и для общего родового слова ўу ‘дом’, одним из значений которого является ‘отдельное помещение для жилья в доме’ (awız ўу – передняя, tör ўу – гостиная, demalıs ўу – спальная, qoǵıń ўу или qarsı ўу – противоположные комнаты) [13].

Часто в речи казахов для обозначения только домочадцев, т.е. жены, детей и иных проживающих вместе близких родственников, применяется словосочетание ўу işi, которое имеет следующую семантику: 1. Внутренняя обстановка, интерьер (в противоположность ўу sırtı ‘внешнее пространство дома’). 2. Семья. Устойчивое сочетание слов ўу içi в узбекском языке имеет ту же семантику ‘дом, семья’. Здесь следует добавить, что для перевода слова семья с русского на туркменский и узбекский языки, помимо других слов, используется лексический дуплет bala-çaga ~ bolä-çaqa, букв. ‘дети’, где обе части сочетания синонимичны (ср. казахск. balalı-şaǵalı ‘семейный’).

Новая семейная ячейка, получившая свой надел (скот, угодья, постройки, иное имущество), называлась otaw ‘юрта, дом для молодоженов; семья молодых’; в прямом значении это слово у казахов обозначало небольшую свадебную юрту, которую обычно изготавливали в качестве приданого дочери (aq otaw). Русским эквивалентом устойчивого словосочетания otaw qırı- предстает выражение *создать семью*. Во многих тюркских языках аналогичным словом обозначали как разновидность жилья, так и отдельные помещения в нем. Киргизы словом otaw называют облегченный тип юрты, балкарское otaw – пристроенная к жилью дополнительная комната для молодоженов, азербайджанское otag и турецкое oda употребляется для обозначения комнаты.

Ч. Валиханов в своей статье «Очерки Джунгарии» приводит пояснение, что в жаргоне купцов походная палатка именовалась словом *огонь*: «К 25 числу сентября на этом месте собралось до 60 палаток, или, как принято в караванном языке, до 60 огней... Соединенный наш караван состоял из десяти огней и число людей увеличилось до 60» [14]. Основываясь на данном сообщении, а также на наличии в лексике казахского языка глагола otas- ‘жить совместно’ (в супружестве, букв. ‘вместе зажигать огонь’) и фразеологизма [birew'diň] otıň jaq- ‘стать [чье-либо] женой; создать [с кем-либо] семью’, букв. ‘зажечь [чей-то] огонь’, можно предположить о том, что слово otaw ‘жилище’ образовано от глагола ota- ‘разводить огонь’, в свою очередь, производного от существительного от ‘огонь’, ср. тюркск. otaǵ> русск. *своя ватага* ‘своя семья’ / Вл. Даль [15].

Слово от также могло использоваться в значении ‘семья’, например, в поговорке Oti basqa'pıń tıńı basqa ‘Очаги (семьи) – разные, и печаль [у них] – разная’, отчасти близкой по смыслу известному высказыванию Л.Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

В связи с изменением социально-экономических условий появилась необходимость в слове, обозначающем семью как новую социальную формацию, которое имело бы определенное, отвечающее юридическим отношениям содержание – ‘группа живущих

вместе родственников' (муж и жена, родители и дети) и было свободно от дополнительных смысловых нюансов.

Если члены семьи проживают в многоквартирном доме, включены в совершенно иную, отличную от прежних времен, правовую, в т.ч. налоговую, систему, работают в разных местах, не имеют единого сельского хозяйства либо частного предприятия, то для обозначения подобной семьи, имеющей определенные законом имущественные отношения, такие слова, как ўу, түтін, түндік, от, отав, от баси, ошақ, шаңырақ, қазан, мәл-жан, ўу-жай не вполне приемлемы. У всех вышеприведенных слов, используемых в казахском языке для обозначения понятия 'семья', семантическая структура сохраняет излишние дополнительные значения, смысловые и стилистические коннотации. Кроме того, переносные значения лексем түтін и түндік оказались архаичными, так как семантическое поле (логическая связь обозначенных предметов, явлений и понятий, тематическая группировка соответствующих слов) и исторический фон, связанный со временем возникновения переносного значения, существенно изменились.

Осознаваемая многими потребность в слове, имеющем строго определенное значение 'совокупность близких родственников, проживающих вместе', вызвала появление в языке нового лексического образования жан шуа, а также обусловила употребление в казахской речи русского слова *семья*. Оба названия, видимо, нельзя признать литературной нормой по следующим причинам. Первое выражение жан шуа является метафорическим – буквально 'гнездо души', подразумевающим место проживания людей (слово жан 'душа' здесь используется в значении 'человек', ср. русское выражение *Не видно ни души*); и его употребление более оправданно в художественном стиле речи, допускающем использование поэтических образов, нежели, например, в строго детерминированном тексте Кодекса о браке и семье.

Встречающееся не только в устной речи, но и зафиксированное в некоторых казахских словарях слово *семья* в сложившихся условиях развития и взаимоотношения культур может рассматриваться как не вполне приемлемое смешивание двух языков и относится, на наш взгляд, к разряду варваризмов. Случается и такое, когда недостаточно хорошо владеющие родным языком казахи в процессе общения вносят в свою речь чуждые элементы и даже целые лексико-грамматические конструкции. Через их смешанную речь подобные ошибки способны проникать в казахский язык. Так, например, вместо общетюркской модели пожелания ... (qutti, mübaräk, hayırlı, qabul) bolsin! все чаще встречаются русифицированные грамматические построения с постоянным компонентом ...-men (-ben) quttiqta- '... поздравлять с чем-то'. Например, взамен традиционного новогоднего поздравления Jaňa jıl[ıñız] qutti bolsin! в наше время обычно говорят и пишут: Jaňa jılıñız'ben quttiqtaymız! или даже Jaňa jılıñız'ben! ~ Meyramlarıñız'ben ~ Merekeleriñız'ben!, что представляет собой грамматическую кальку русских выражений *С Новым годом (поздравляем)!* ~ *С праздником!*, в которых имена оформлены окончаниями творительного падежа.

То или иное слово, представляющее собой определенный звуковой комплекс и рассматриваемое в фонетическом аспекте, может оцениваться формально, с учетом количества и качества фонем, т.е. размера слова и его звучания (эвфонии), с учетом артикуляционной сложности, т.е. соответствия звуков слова фонологии родного языка. Но в этом плане нельзя делать выводы о целесообразности использования какого-либо слова, будь то исконное или заимствованное. Однако на лексико-семантическом уровне, при определенных историко-культурных условиях положение меняется.

В современных условиях развития национальной культуры и роста этнического самосознания, некоторые лексемы, в некоторых случаях – фонографические варианты слов (при их наличии), могут восприниматься как более или менее предпочтительные либо отвергаться. Например, трудно оправдать существование в казахском языке таких словосочетаний, как *балалар творчествосы* 'творчество детей' или *творчестволық*

бірлестігі ‘творческое объединение’. Создатели этих лексических композит, видимо, не утруждали себя поиском эквивалента русского слова ‘творчество’.

Обратившись к лексическому фонду и лингвистической практике иных тюркских народов, находим, например, в турецком языке обозначение понятия *творчества* [как деятельности] словами *yaratma kuvveti*, *yaraticılık*, а русский глагол *творить* переводится словами *yaratmak*, *vücud’e* (в форме дательного падежа) *getirmek*. Приведем казахское слово *jaratiw*, которое имеет значение ‘створить, создать что-нибудь’ и предстает генетически близким турецкому *yaratmak*.

От арабского заимствования **إِجَادٌ** īdjād ‘создание, творение’ образовано узбекское глагольно-именное сочетание **ījod qılış** ‘творение [как процесс]’. В лексическом фонде узбекского языка имеется также производное слово **ījodiyot** < арабск. **إِجَادِيَّةٌ** īdjādiyyat и собственно тюркское *yaratış* со значением ‘творчество’ < *yarat-* ‘создавать’. Отметим, что в казахской литературе изредка встречаются указанные арабизмы: лексема **ījad** в значении ‘творение; издание’ и однокоренное ей слово *ıjud* (ср. турецк. *vücud*) ‘существование, бытие; наличие, присутствие’ [16]. Следовательно, есть в языке собственные лексические возможности для обозначения понятия *творчество*, а также иных понятий, явлений и предметов, и надо их использовать, не создавая серию неудачных словесных гибридов.

Обратившись к языкам тюркских народов, имеющим развитую письменность и богатый лексический фонд, можно отметить логический подход к формированию терминологии, учитывающий многовековую традицию усвоения через религиозную, научную, художественную литературу и посредством устной речи слов арабского происхождения.

На примере некоторых слов отметим тенденцию, определившуюся в современном казахском языке. Например, вместо ранее широко употреблявшихся (но в то же время явно осознаваемых как инородные) слов *директор*, *текст*, *процент* появились известные в ряде других тюркских языков новые лексемы *müdir*, *mätin*, *rayız*, которые воспринимаются в речи органично, соответствуя фонетике (звуковому строю) языка.

Наличие в языках большинства тюркских этносов арабизмов и фарсизмов, которые обозначают социальные и природные явления, абстрактные понятия и предметы материальной культуры, так же, как и сохранившийся массив исконной лексики, способствуют объединению и взаимопониманию представителей тюркской нации.

Для номинации понятия *семья* в ряде тюркских языков, наряду с другими синонимами, активно применяется арабское слово **عَائِلَةٌ** ‘āyila (например, татарск. *ğayilä*, узбекск. *oyilä*, турецк. *aile*); в персидском языке указанная лексема в фонетических вариантах **عَائِلَهٌ** ayele ~ **عَائِلَهٌ** aele имеет значения: 1. Семья, семейство. 2. Жена, супруга. Казахи широко используют однокоренное слово *äyel* в значении ‘женщина; жена’, заменив исконное *qatın*, которое характеризуется стилистически сниженной окраской, получив в речи оттенок вульгарности; в фарси ему соответствуют варианты **عَيَالٌ** äyal ~ eyal, в узбекском – *äyöl* ‘женщина’.

Заключение

Использование в казахском литературном языке для обозначения понятия ‘семья’ – с учетом современного статуса этой общественной формации – арабского слова **عَائِلَةٌ** ‘āyila в адаптированной форме *äyile* не противоречит культурно-исторической традиции; оно будет лишь способствовать обогащению словарного состава, сохранению близости литературных языков тюркских народов. Это слово свободно от излишних смысловых нюансов, имеет строго ограниченное значение, т.е. обладает признаками термина, генетически и семантически соотносится с ранее освоенным словом *äyel* и может успешно использоваться в литературном языке.

Употребление таких слов, как *йу*, *йу işi*, *йу-jay*, *tütin*, *şañıraq*, *tündik bası*, *ot*, *otaw*, *ot bası*, *qazan*, *mal-jan*, *jan uya*, *oşaq* и *семья* в официально-деловом стиле, в научно-публицистической и иных сферах, требующих строго определенного значения ‘совокупность живущих вместе близких родственников’ (супруги, родители с детьми), представляется неприемлемым ввиду приведенных выше доводов.

Литература

1. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
2. Ferdinand de Saussure. Cours de linguistique générale. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкоzнанию. Пер. с французск. яз. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
3. Lotte D.S. Principes d'établissement d'une terminologie scientifique et technique. Лотте Д. Очередные задачи научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1931. – 158 с.
4. Émile Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. Изд. 3. УРСС, 2009. – 448 с.
5. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. – М.: ГИИНС, 1953. – С. 49.
6. Повесть временных лет. Хрестоматия по древней русской литературе. – М.: Просвещение, 1973. – С. 7.
7. Жеромский С. Пепел. Роман-хроника к. XVIII н. XIX вв. – М.: Художеств. лит-ра, 1967. – С. 799.
8. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука. Главн. редакция восточн. лит-ры, 1986. – С. 285.
9. Казахско-русский фразеологический словарь / Кожахметов Х.К. и др. Алма-Ата: Мектеп, 1988. – С. 145.
10. Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Том 7. – С. 259.
11. Казахско-русский фразеологический словарь / Кожахметов Х.К. и др. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – С. 145.
12. Русско-турецкий словарь / Сост. Д.А. Магазанник, М.С. Михайлов. – М.: ОГИЗ, 1946. – С. 67.
13. Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
14. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1986. – С. 291.
15. Даlь В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М.: Русский язык, 1989. – С. 167.
16. Арабша-қазақша түсіндірme сөздік / Н.Д. Ондасынов. – Алматы: Мектеп. Том 1. – 1984. – С. 55; Том 2. 1989. – С. 208.

References

1. Kodukhov V.I. Introduction to Linguistics [Kodukhov V.I. Vvedeniye v yazikoznaniye]. – M.: Prosveshcheniye, 1979. – S. 206. (in Russian).
2. De Saussure F. Cours de linguistique générale [Ferdinand de Saussure. Trudi po yazikoznaniyu; perevod A.A. Holodoviça]. – M.: Progress, 1977. – 696 s. (in Russian).
3. Lotte D.S. Principes d'établissement d'une terminologie scientifique et technique [Lotte D. Ocheredniye zadachi nauchno-tehnicheskoy terminologii]. – M.: Nauka, 1931. – 158 s. (in Russian).
4. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale [Benvenist E. Obshchaya lingvistika]. – M.: URSS, 2002. – 448 s. (in Russian).
5. Russian language dictionary [Slovar' russkogo yazika / Sost. S.I. Ozhegov]. – M.: GIINS, 1953. – S. 49 (in Russian).
6. The Tale of Bygone Years: A Reader of Old Russian Literature [Povest' vremennih let. Hrestomatiya po drevney russkoy literature]. – M.: Prosveshcheniye, 1973. – S. 7 (in Russian).
7. Zheromskiy S. Ashes. A Chronicle Novel. XVIII–XIX centuries [Zheromskiy S. Pepel. Roman-hronika k. XVIII – n. XIX vv.] – M.: Hudozhestv. lit-ra, 1967. – S. 799 (in Russian).
8. Valikhanov Ch. Selected works [Valikhanov Ch. Izbrannye proizvedeniya]. – M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoy lit-ri, 1986. – S. 285 (in Russian).
9. Kazakh-Russian Phraseological Dictionary [Kazahsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'] / Kozhahmetov H.K. i dr. Alma-Ata: Mektep, 1988. – S. 145 (in Russian).
10. Soviet Historical Encyclopedia [Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya]. Tom 7. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1965. – S. 259 (in Russian).

11. Kazakh-Russian Phraseological Dictionary [Kazahsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'] / Kozhahmetov H.K. i dr. – Alma-Ata: Mekter, 1988. – S.145 (in Russian).
12. Russian-Turkish dictionary [Russko-tureckiy slovar'] / Sost. D.A. Magazannik, M.S. Mihaylov. – M.: OGIZ, 1946. – S. 67 (in Russian).
13. Kazakhs. Historical and ethnographic research [Kazah. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]. – Almati: Kazahstan, 1995. – S. 352 (in Russian).
14. Valikhanov Ch. Selected works [Valikhanov Ch. Izbranniyе proizvedeniya]. – M.: Nauka, Glavn. redakciya vost. lit-ri, 1986. – S. 291 (in Russian).
15. Dahl V. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language [Dal' V. Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazika]. Tom 1. – M.: Russkiy yazik, 1989. – S.167 (in Russian).
16. Arabic-Kazakh explanatory dictionary [Arabsa-qazaqsha tüsindirme sözdik] / N.D. Oñdasinov. – Almati: Mekter. Tom 1 – 1984. – S. 55; Tom 2 – 1989. – S. 208 (in Kazakh).

X.Ш. Илиуф^{*}, Т.Д. Исабаева

Шәкәрім университеті,

071412, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Глинка к-си, 20А

^{*}Orcid: 0009-0007-0038-2386

^{*}e-mail: murat_20@mail.ru

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ‘ОТБАСЫ’ ТҮСІНІГІН БІЛДІРЕТІН СӨЗДЕР ТУРАЛЫ

Аңдатпа. Бұл мақалада қазақ тілінде ‘от басы’ (family) мәғынасын білдіретін сөздерді зерттеу нәтижелері берілген. Тұтін, шаңырақ, тұндік (түндік) сөздерінің қосалқы мәғынада синонимге айналғаны, отбасын шаруашылық қызметтің субъектісі ретінде айқындалғаны атап өтіледі. Сондай-ақ қазақ тілінде грамматикалық құрылышы мен композициялық семантикасы жағынан от басы тіркесіне ұқсас тұндік басы деген изафеттік тіркес пайда болды. Қазақ тіліндең қарапайым әлеуметтік-экономикалық кешен ретінде ‘отбасы’ ұғымының мал-жсан, үй-жай сияқты жұп сөздермен, ал отау құрған ұлдарды әке ошагынан ажыратып, жаңа отбасы құруды үй болу, үй көтеру сөздерімен білдіретініне назар аударылады. Жаңа лексикалық мәғыналардың дамуы екі құбылыстың немесе заттардың (тұргындар тобы мен отты ошақтың) үақыт пен кеңістікте бірінен соң бірі метонимдік ауысуы арқылы жүзеге асатыны баса айтылады.

‘Бірге өмір сүретін жаңын туыстар тобы’ деген қатаң анықталған мәғыналы сөздің қажеттілігі тілде метафоралық және поэтикалық бейнелерді қолдануға мүмкіндік беретін көркем сөйлеу стилінде көздесетін жан үя жаңа лексикалық формацияның пайда болуына әкелді.

Әлеуметтік-экономикалық жағдайлардың өзгеруі нәтижесінде отбасын жаңа қоғамдық формация ретінде белгілейтін және мазмұны бар ‘бірге тұратын туыстар тобы’ (ерлі-зайыптылар, ата-аналар мен балалар), құқықтық қатынастарға сәйкес келетін және қосымша мәғыналық реңктерден ада болатын сөздің қажеттілігі туындаады. Авторлар лингвәлеуметтік тәжірибеге әйіле сөзінің қолданытуын енгізу орынды деп есептейді, оның болуы лексикалық қорды араб тілінен алынған сөздермен толықтырудың мәдени-тарихи дәстүріне сәйкес келеді және түркі халықтарының әдеби тілдерінің жақындығын сақтауға септігін тигізеді.

Тірек сөздер: отбасы, термин, арабизмдер, фарсизмдер, полисемия, метонимия, калька.

H.Sh. Iliuf^{*}, T.D. Issabayeva

Shakarim University,

071412, Republic of Kazakhstan, Semey, 20A Glinka street

^{*}Orcid: 0009-0007-0038-2386

^{*}e-mail: murat_20@mail.ru

ON THE QUESTION OF WORDS DESIGNATING THE CONCEPT OF ‘FAMILY’ IN THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract. This article presents the results of a study of words with the nuclear seme ‘family’ in the Kazakh language. It is noted that the words тұтін, шаңырақ and тұндік (түндік) have evolved into synonyms in their secondary meanings, defining the family as a subject of economic activity. Also in the Kazakh language there was an izafet phrase тұндік басы, which in grammatical structure and compositional semantics is similar to the expression от басы. Attention

is drawn to the fact that the concept of “family” as an elementary socio-economic complex in the Kazakh language was expressed by such paired words as *mal-jan*, *üy-jay*, and the separation of married sons from the father’s hearth and the creation of new families was designated by the words *üy bol-*, *üy köter-*. It is emphasized that the development of new lexical meanings occurred through a series of successive metonymic transfers in time and space of two phenomena or objects (a group of residents and a lit hearth).

The need for a word with a strictly defined meaning of ‘a group of close relatives living together’ led to the emergence of a new lexical formation in the language, *jan uya*, which is metaphorical and is found in an artistic style of speech that allows the use of poetic images.

As a result of changes in socio-economic conditions, there arose a need for a word that would designate the family as a new social formation and would have content (‘a group of relatives living together’ (husband and wife, parents and children), would correspond to legal relations and would be free from additional semantic nuances. The authors believe it is appropriate to introduce the use of the word *äyile* into linguosocial practice, the presence of which corresponds to the cultural and historical tradition of replenishing the lexical fund with borrowings from the Arabic language and will contribute to maintaining the closeness of the literary languages of the Turkic peoples.

Key words: family, term, arabisms, farsisms, polysemy, metonymy, calque.

Сведения об авторах

Илиуф Хаджимурат Шаяхметович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков НАО «Шәкәрім университет», Республика Казахстан, e-mail: murat_20@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Исабаева Турсын Душановна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков НАО “Шәкәрім университет”, Республика Казахстан, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Авторлар туралы мәліметтер

Илиуф Хаджимурат Шаяхметұлы – филология ғылымдарының кандидаты, «Шәкәрім университеті» КеАҚ шет және орыс тілдері кафедрасының аға оқытушысы, Қазақстан Республикасы, e-mail: murat_20@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Исабаева Турсын Душановна – педагогика ғылымдарының кандидаты, «Шәкәрім университеті» КеАҚ шет және орыс тілдері кафедрасының аға оқытушысы, Қазақстан Республикасы, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Information about the authors

Khadzhimurat Iliuf – candidate of philological sciences, senior lecturer, Department of foreign and russian languages, NJSC «Shakarim University», Republic of Kazakhstan, e-mail: murat_20@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Tursyn Issabayeva – candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of the Department of foreign and russian languages, NJSC «Shakarim University», Republic of Kazakhstan, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, Orcid: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Поступила в редакцию 29.11.2025
Принята к публикации 19.12.2025